

УДК 39.04.03

Д. Д. Дроб, В. Л. Назаров

Уральский федеральный университет
имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

D. D. Drob, V. L. Nazarov

Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ И КОНВЕНЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК НА ВОВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН В ДЕСТРУКТИВНЫЕ ГРУППЫ: ПАРАДОКС СВОБОДЫ

В статье рассматриваются факторы и риски социо-культурной среды и патриархатных установок, которые могут оказывать влияние на манипулирование женщинами с целью вовлечения их в деструктивные группы. Анализируются ложные и имитационные критерии женской идентичности в реалиях современного общества.

Ключевые слова: феминность, маскулинность, конвенциональные нормы, догматизм, патриархат.

THE INFLUENCE OF SOCIAL STEREOTYPES AND CONVENTIONAL ATTITUDES ON THE INVOLVEMENT OF WOMEN IN DESTRUCTIVE GROUPS: THE PARADOX OF FREEDOM

The article is about the factors of the socio-cultural environment and the risks of patriarchal attitudes, which can affect the manipulation of women in order to engage them in destructive groups. Much attention is given to the false and imitation criteria of female identity in the realities of modern society.

Key words: femininity, masculinity, conventional norms, dogmatism, patriarchy.

Психологические и социокультурные факторы вовлечения личности в деструктивные группы часто бывают в фокусе исследователей. Именно психологические факторы вовлечения в деструктивные группы превентологи выделяют как основные. Личность, не ощущая своей целостности и не сформировав «мы — идентичности», т. е. не пройдя в определенном подростковом возрасте кризис во взаимоотношениях с другим и возникновение групповой социализации, транслирует этот кризис на свою взрослую жизнь. Так, например, участие в деструктив-

ной экстремистской группе или даже социально приемлемой группе с выраженными механизмами иерархии и внутригрупповой поддержки, является способом компенсаций непрожитых подростковых идентификаций и кризисов. Однако эта позиция может казаться односторонней, когда мы хотим рассмотреть особенности текущих гендерных установок и социальной мифологии при манипулятивном вовлечении женщин в экстремистские сообщества.

Примером использования патриархатных установок для вовлечения женщин в деструктивные группы может быть технология вовлечения в экстремистскую организацию путем замужества за боевика. При этом важно учесть, что важнейшим стереотипом, характеризующим патриархатные практики, является представление о полной легитимности фактического доминирования мужчин в публичных и частных сферах [1, с. 64]. Для мужчин предписываются исключительно маскулинные качества: рациональность, агрессивность, доминирование, склонность к логическому мышлению, а для женщин — феминные: зависимость, эмоциональность, пассивность [2]. Общественные ожидания могут привести женщину к запутыванию в репертуаре социальных ролей. В современном российском обществе распространена, с одной стороны, индоктринация (некритическое усвоение идей и парадигм, которые описываются исходя из задаваемой ими же понятийной структуры) традиционными женскими ролевыми характеристиками — материнства и супружества, с другой стороны, женщины включены в экономические отношения и являются брэдвайнерами (добытчиками). Ролевые семейные модели жены и матери постулируются как обязательные, так же сохраняется конкуренция с мужчинами в роли профессионала.

Распространенным при вовлечении женщин в террористические организации является мотив замужества. Мужчины-агенты могут воплощать собой брутальность, демонстрируя квинтэссенцию образа маскулинности и романтичности одновременно. Во время установления контактов, в действительности склонные к насилию вербовщики, значительно преувеличивают свою способность быть добрыми и сострадательными. Они настаивают на необходимости оказания им доверия, без предварительного создания прочной основы для такого доверия, изображая высокий уровень сочувствия и сопереживания в начале процесса вовлечения. Характерной чертой этого этапа является противопоставление личности вербовщика остальному окру-

жению женщины, происходит обесценивание иных ее родственных, дружественных связей. Качества личности мужа значительно завышаются и постоянно подчеркиваются, при этом актуализируется и картина будущей счастливой жизни.

Уязвимым местом такого рода технологий является использование дискурса счастья. Ключевой точкой в манипуляциях является заполнение дискурса счастья содержанием. Конвенциональные культурные нормы более или менее четко регламентируют интенции установок счастья для женщин и мужчин. Так, в реалиях светско-российского общества конвенционально, что мужчины стремятся к социальным и профессиональным достижениям, а женщины направлены на семью, детей и обустройство быта.

Особенность консервативных конвенциональных установок (принимаемых большинством общества, подлинность которых постулируется и принимается на веру без проверки) в том, что они фиксируют требования общества и культуры. Довольно часто такие установки не отражают истинных потребностей личности. Появляется парадокс несвободы личности в предписанных для него обществом, и затем использованным вербовщиком, образах счастья. Парадокс свободы и счастья наиболее точно сформулирован классиком психоанализа Зигмундом Фрейдом: «Люди стремятся к счастью, они хотят стать и пребывать счастливыми. Две стороны этого стремления — положительная и отрицательная цели; с одной стороны, отсутствие боли и неудовольствия, с другой — переживание сильного чувства удовольствия. В узком смысле под счастьем понимается только последнее...» [3, с. 110]. Под прессом культуры действительной свободой является свобода хотеть того, чего действительно хочешь. Рефлексия собственных личностных установок, а не исключительно заданных социальными ожиданиями, является методом профилактики вовлечения в деструктивные группы.

Исследователь Игорь Ким указывает на опасность излишне патриархатных религиозных норм. Женщина, изначально воспитанная в духе покорности к мужчине, готова к исполнению любых мужских указаний. Дискриминационный характер отношения к женщине допускает создание базовых мифов, догм и концептуальных схем [4, с. 70]. Другой известный психолог, занимавшийся проблемой нетерпимости, Милтон Рокич показал, что консерваторы существенно больше, чем радикалы, склонны к авторитарности, этноцентризму и ригидно-

сти. Он ввел еще одно измерение авторитарности, названное им догматизмом [5, с. 56].

В вопросах баланса ролей мужчин и женщин наиболее гуманна позиция Э. Фрома [6]. Предполагаемое между мужчиной и женщиной равенство и требование равноправия полярны по своей сути: несмотря на все различия, ни один человек не должен использовать другого в качестве средства достижения своей цели, ибо каждое человеческое существо есть самоцель. А это означает, что каждый человек как представитель своего рода и своей нации должен иметь свободу для развития своей индивидуальности. Равноправие предполагает не отрицание различий, а возможность для их более полной реализации. Если мы понимаем под равенством отсутствие различий между людьми, то мы способствуем тенденциям, которые приводят к обнищанию нашей культуры, т. е. к «автоматизации» индивидуума и утрате того, что является самым ценным компонентом человеческого существования, расцвета и развития особенностей каждого человека — его индивидуальности [3, с. 130].

Практика международных отношений довольно ясно дает ответ на вопрос, может ли женщина становиться на путь реализации кратических и императивных функций. На конференции ООН в Пекине в 1995 году было рекомендовано введение понятие гендера и гендерного мейнстриминга (*gender mainstreaming*) в пространство публичной политики с целью преодоления существующих форм неравенств и стереотипизации культурных ролей мужчин и женщин.

Личности сложнее признавать в себе даже самые необходимые свойства, если они неконвенциональны. Такие свойства в себе с трудом замечают, плохо контролируют, не используют сознательно. Отвергнутые, они проявляются исподволь, дезорганизуя деятельность и поведение [7, с. 7]. Трагические последствия такой дискриминации очевидны. Исследователи терроризма предполагают, что участие женщин в террористических актах в качестве шахидок обусловлено не стремлением найти собственную идентичность, так как нет смысла искать то, что имеешь в лице мужчины [4, с. 6]. Исполнение воли мужчины согласно такой логике — это путь женского духовного совершенства, который может сделать ее равным по добродетели мужчине. Последствия такого послушания разрушительны.

Опасным является путь девальваций направленных женских интенций, выходящих за пределы так называемой традиционной культуры,

где женщине предписываются лишь феминные качества [8, с. 31]. Современная социо-культурная среда сложна и динамична, ее практики далеки от традиционного общества, а потому догматичный подход является ущербным. А формы утверждения лишь патриархатных норм и догм, вместо нацеленности на поддержание здоровья общества, могут приводить к деструктивным практикам.

Литература

1. Коваленко С. В. Об историческом опыте российского женского общественного лидерства в контексте гендерных стереотипов (20–30-е годы XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29. С. 63–70.
2. Наумова Е. Проект новой гендерной антропологии Джудит Батлер: возможности применения сегодня // Гендерные исследования. 2009. Т. 19. С. 231–239.
3. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. М. : АСТ, Астрель, 2011, С. 107–212.
4. Ким И. А. 2006 Гендерное неравенство в Исламе: женский терроризм // Аналитика культурологии. 2006. Т. 2. С. 66–74.
5. Рокич М. Природа человеческих ценностей. М., 2005. 276 с.
6. Фромм Э. Мужчина и женщина. М.: АСТ, 1998. 509 с.
7. Покрасс М. Активная депрессия. Исцеление эгоизмом. М. : Бахрах-М, 2006. 576 с.
8. Евсеева Л. В. Телесность как топология женской субъективности // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 33. С. 29–35.